

по заламъ Европы, исканіе милостей публики, угожденіе всѣмъ ея печальнымъ вкусамъ, — и вотъ вамъ вся цѣль музыкальнаго „образованія“, добываемаго цѣною такого труда и усилій, цѣною такихъ жертвъ. Гдѣ тутъ разсуждать, гдѣ тутъ взвѣшивать, гдѣ тутъ разбирать хорошее отъ дурного, гдѣ тутъ думать объ образованіи своей головы, понятія, когда все это не нужно, когда именно все негодное, безвкусное и анти-музыкальное — выгодно, приносить немедленный барышъ, да притомъ же приходится какъ нельзя болѣе по вкусамъ и понятіямъ всѣхъ музыкальных ремесленниковъ?

О самостоятельномъ національно-русскомъ направленіи въ нашихъ консерваторіяхъ никто отроду и не задумывался. У насъ ужъ давнымъ давно народилась своя собственная школа, у насъ давно ужъ есть свои собственные великіе создатели музыки; они учатъ совсѣмъ другому, чѣмъ нѣмецкіе консерваторскіе рутинеры и итальянскіе пѣвческіе и оперные „практики“; они, никогда не читавши афоризмовъ Шумана, однако же исповѣдывали музыкальный символъ вѣры, одинаковый съ его символомъ вѣры, относительно того, что хорошо и что дурно въ музыкѣ, чего въ ней надо искать и что ненавидѣть и преслѣдовать — но этого въ нашихъ консерваторіяхъ никто не знаетъ, да еслибъ и зналъ, то пожималъ бы только плечами. Очень важно имъ знать, что такое именно думали и говорили какой-нибудь Глинка и Даргомыжскій! Вотъ важныя птицы! Одинъ изъ нихъ, Глинка, говорилъ, что просто „ненавидѣлъ модную итальянскую музыку“, за ея фальшь, условность, антимузыкальность; исполненіе итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ находилъ ненатуральнымъ, ложнымъ, искусственнымъ, а иногда даже „нелѣпымъ, изысканнымъ, преувеличеннымъ“, и это у самыхъ величайшихъ итальянскихъ знаменитостей, такихъ какъ Рубини и ему подобные; тотъ же Глинка осмѣливался думать самостоятельно, и иной разъ не признавалъ великимъ то, что признается „классическимъ“ (напримѣръ, Донъ-Жуана Моцарта или многое во Фрейшюцѣ и т. д.), или наоборотъ, признавалъ наивысшимъ то, что всѣ кругомъ не любили, или ненавидѣли (напримѣръ, сочиненія Берліоза); онъ же рѣшался не признавать великихъ достоинствъ консерваторской схоластической науки, доводимой до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, сухости и ненужности. Другой, Даргомыжскій, точно также не вѣрилъ, слѣпо, во всѣ классическіе авторитеты и кумиры Европы, и разбиралъ ихъ собственнымъ умомъ и понятіемъ, ненавидѣлъ и презиралъ „итальянщину“ не менѣе Глинки, смотрѣлъ съ антипатіей на „вычуръ (въ пѣніи) итальянской, крики французской и манеръ